

ХАНС-ЙОАХИМ
МААЦ

Комплекс Лилит

Темная сторона
материнства

Ханс-Йоахим Маац

**Комплекс Лилит: Темная
сторона материнства**

«Когито-Центр»

2004

УДК 159.9
ББК 88

Маац Х.

Комплекс Лилит: Темная сторона материнства / Х. Маац —
«Когито-Центр», 2004

ISBN 978-5-89353-507-5

Причины многих проблем в отношениях лежат в плоскости связи между матерью и ребенком. Представления о материнском чувстве, созданные благодаря образу самоотверженной Евы, подавившей свои собственные потребности, на сегодняшний день не соответствуют действительности. Комплекс же Лилит (наложение запрета на данный аспект и вытекающее отсюда чувство вины) глубоко укоренился в культурном смысле и будет вновь и вновь возрождаться в отношениях между матерью и ребенком. Материнство нужно признать не только важнейшей, но и труднейшей задачей человека. И хотя в этой книге описываются страдания, которые матери причиняют своим детям, речь идет не об обвинении, а о вскрытии и понимании отношений, которые могут иметь серьезные последствия как для каждого человека в отдельности, так и для общества в целом. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-89353-507-5

© Маац Х., 2004
© Когито-Центр, 2004

Содержание

Введение	5
I. Комплекс Лилит	7
1. Лилит – запрещенная женская сущность	7
2. Содержание комплекса Лилит	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ханс-Йоахим Маац

Комплекс Лилит: Темная сторона материнства

Введение

События, произошедшие в моей жизни в течение последних десяти лет, неожиданно подвели меня к теме, которая помогла мне понять собственные проблемы, осознать необходимость изменения психотерапевтической практики и раскрыть главные причины и взаимосвязи социальных конфликтов и патологий в обществе. Это тема нарушения материнских чувств, в которых я вижу существенные психосоциальные корни личностных, семейных и общественных конфликтов.

С помощью этой книги я хотел бы привлечь внимание к тому, что в нашем обществе практически утрачены главные материнские ценности: давать жизнь, кормить, удовлетворять, защищать – все то, что является значимым как для ребенка, так и для существования социума.

В центре моего исследования находятся потребности ребенка. Я хочу объяснить, что необходимо ребенку для его психосоциального развития, какие серьезные последствия для всей жизни человека могут иметь дефицит в отношениях и психические травмы на ранних этапах онтогенеза. Мне представляется это важным, поскольку действующие стили воспитания, отношения в обществе и культурные нормы делают «ранние нарушения» массовой проблемой, и это притом, что между личным анамнезом и неправильным развитием общества существует тесная связь.

Своими познаниями я обязан моим пациентам, которые откликаются на предложение терапевта вспомнить ситуации из детства, несмотря на то, что чаще всего эти воспоминания ассоциируются у них с опасностью, которой следует избегать. Действительно, если ребенок не был желанным, не познал любящего к себе отношения, а его основные потребности не удовлетворялись, он пережил травматические моменты жизни, имевшие глубоко негативные последствия для развития и раскрытия его личности. Данная ситуация осложняется тем, что психосоциальная травматизация часто объясняется не отдельными тяжелыми событиями, а касается детско-родительских отношений, в которых психические травмы и отрицательный социальный опыт не всегда очевидны окружающим. Роковая трагичность явления заключается в том, что родители, стараясь делать «все возможное» в духе своего времени, не уделяют своим детям должного внимания, подавляют их эмоционально, не понимают их реакций и мучают своими завышенными ожиданиями.

Я слышал тысячи чудовищных историй жизни и сопереживал людям, которые испытывали острую потребность в детстве. Передо мной снова и снова возникал вопрос о степени вины родителей. И хотя их ответственность не подлежала сомнению, я понимал, что их индивидуальные способности к материнству могут быть ограничены как собственными бессознательными действиями и установками, так и социальными отношениями, которые не предоставляют им достаточного пространства для выполнения их родительских функций. В психотерапии проявление ярости, ненависти, разочарования, боли и печали вследствие родительского отказа ведет на путь исцеления, но эта конфронтация касается лишь «внутренних родителей», то есть родителей, которые стали значимыми инстанциями в психике и оказывают отрицательное воздействие на жизнь ставшего взрослым человека. Цель терапии – не столкновение с родителями реальными, а освобождение от родительских комплексов в душе и обретение возможности нормального и относительно беспристрастного общения с родителями сегодня.

Для терапевтической практики важно найти пути невербального доступа к бессознательным психическим областям, так что довербальный этап развития человека имеет все шансы возродиться и проявиться в его текущей жизни. Для этого следует отойти от классических психоаналитических позиций и отказаться от некоторых их постулатов. Тело, а также имажинации, картины и музыка, которые мы внедрились в мультимодальную глубинно-психологическую терапевтическую практику, открывают возможности проникновения к довербальному бессознательному. На психоаналитической кушетке, в бесконтактных отношениях «Терапевт – Пациент», без проявления глубоких эмоций эта работа невозможна.

Такие важные психоаналитические теории, как, например, теория инстинкта и теория эдипова комплекса, не могут быть больше отправными точками в свете пренатальных и перинатальных исследований последних лет. Теория инстинкта в современном социальном контексте и исторически передаваемых от поколения к поколению примерах семейной иерархии наделяет прежде всего ребенка ответственностью за обуздание его сексуальных и агрессивных стремлений, однако пренебрегает влиянием и ответственностью родителей в отношении неправильного психосоциального развития и отрицает реактивный характер агрессивности. В легенде об Эдипе речь идет о вине родителей, обрекших своего ребенка на смерть. Этот миф уже по своему содержанию является неподходящим для признания психологической тенденции сексуального интереса ребенка к родителю противоположного пола и его соперничества с родителем своего пола нормальной. Весь наш опыт в терапии «ранних нарушений» указывает на то, что отношения с родителями с оттенком сексуальности и ревностная борьба с ними всегда являются следствиями дефицитов и нарушений удовлетворения базовых жизненных потребностей родителями.

Материал, представленный для рассмотрения, получен от пациентов психотерапевта, но это вовсе не означает, что речь идет об опыте меньшинства. Скорее наоборот, можно предположить, что аналогичные «ранние нарушения» проявляются и в социальном поведении людей, не проходивших терапию. Таким же образом появляются патологические формы и внутри общества (национализм, социализм, левый и правый экстремизм, терроризм, фундаментализм, консумизм). Поэтому я стараюсь описать формы поведения, считающиеся «нормальными» вследствие их усредненности и повсеместного распространения, но которые, однако, в высшей степени аномальны и имеют деструктивные последствия.

Эта книга о чувстве материнства. Но речь пойдет не о задачах и функциях матерей, а о материнских ценностях и нормах в обществе. Ведь и мужчины могут нести в себе материнские качества, и они должны уметь проявлять их так же, как и женщины – отцовское отношение. Я приглашаю поговорить о материнских формах в политике, экономике и культуре. Мне хочется показать, к чему ведут нарушенные чувства материнства, и наметить пути к позитивным изменениям. Речь не идет об обвинениях, потому что все мы являемся не только жертвами, но и виновниками случившегося, и должны иметь смелость признать это.

В «Лилит» (Brandwein-Stürmer, 2000; Hurwitz, 1998; Koltur, 1994; Pielow, 1998; Zingsem, 1999) я нашел находящийся под запретом в христианском мире миф, который способен объяснить распространенные нарушения чувства материнства с культурно-исторической точки зрения и помочь понять психосоциальные последствия отверженной Лилит для каждого в отдельности и общества в целом.

І. Комплекс Лилит

1. Лилит – запрещенная женская сущность

Так какие же причины лежат в основе дефицита материнских чувств? Почему эта тема или идеологически перегружена, или находится под запретом, будоражит умы, но не признается конфликтной проблемой?

Христиане через образ Богоматери вознесли «материнство» на метафизические высоты, нацисты злоупотребляли им в преступных целях, сторонницы женской эмансипации обесценили его и повесили на него ярлык «консервативно-реакционной ориентации». Большинство людей, однако, имеют идеализированный, некритичный взгляд на образ матери.

Мы должны исходить из того, что каждый отдельный человек в той или иной мере имеет неудовлетворительный опыт отношений со своей матерью, который долгое время остается вытесненным из восприятия и памяти. Но, читая эту книгу, он будет, возможно, вновь открывать для себя пугающий, болезненный опыт или только смутно чувствовать его, а может быть, захочет подвергнуть сомнению или вовсе опровергнуть представленный здесь материал.

Возможно, это смущение является одной из причин, почему мифологический образ Лилит, судьба которой замечательно иллюстрирует нарушения чувства материнства, так малоизвестен. С другой стороны, старый миф указывает на центральную и конфликтную тему нашей патриархальной культуры. По христианскому преданию, первые люди Адам и Ева (а не Лилит) были сотворены Богом-Отцом, а не Богиней-Матерью и не парой богов. Вместе с тем родительство, партнерство и сексуальность не имеют мифологического прообраза. Сотворение Адама и Евы без участия матери должно иметь последствия! Согласно раввинским комментариям, в ссылке на первую книгу Бытия Лилит была названа первой женой Адама.

По иудейскому преданию, Бог создал Лилит, первую женщину, точно так же, как он создал Адама. Но они не стали партнерами. Лилит была не готова подчиняться Адаму. Она обосновывала свою претензию на равенство тем, что каждый из них был сделан из одного материала. Отказ Лилит лежать под Адамом во время сексуального акта в «миссионерской позе» стал символом равноправия. Она сама хотела принимать активное участие в любовной игре и «сидеть сверху». Отказ подчиниться вселил неуверенность в Адама и рассердил его, и, в конце концов, данный спор завершился бегством Лилит из рая. Так возник прообраз Лилит – «сладострастной женщины», а позднее – богини-покровительницы проституции и демона онанизма, соблазнительницы, доставляющей удовольствия, находящиеся под запретом. В психологии К. Г. Юнга она интерпретируется как негативная Анима. Аналогии этого конфликта полов можно найти и в мусульманских писаниях, например, эти народы говорят: «Будь проклят тот мужчина, который женщину возведет на небо, а сам при этом будет на земле».

Талмудисты представляют Лилит чаще всего в образе разодетой и соблазнительной женщины с длинными волосами, полуобнаженной грудью, которая обольщает мужчин и представляет опасность для детей. В гетевском «Фаусте» во время колдовского действия на Блоксберге доктор Фауст спрашивает Мефистофеля: «Кто это?». Тот отвечает: «Это Лилит... Первая жена Адама. Но остерегайся ее прекрасных волос. Если она коснется ими юноши, он не скоро покинет ее».

По преданию, Бог наказывает Лилит за непокорность и побег. Наказание проявляется в том, что Лилит постоянно рождает демонических, обреченных на смерть детей, ей уготовано судьбой обитать в суровых и унылых местах на земле среди диких зверей. Она становится похотливой соблазнительницей, женщиной-демоном, причиняющей вред беременным и роже-

ницам, способной похитить и убить новорожденного ребенка, поэтому во многих сказаниях и сказках она ассоциируется с древним страхом за их жизнь.

Символический образ крадущей детей ведьмы и соблазнительной женщины – это универсальный архетипический мотив. Это персонаж многих поэм, рассказов, басней и сказок. В немецкой культуре, например из сказок о Рапунцель и карлике Румпельштильцхене, всем хорошо знаком сюжет, когда ребенок превращается в загадочное существо.

Для женского движения Лилит стала символом мятежной женщины. Она рассматривается как позитивное отражение Евы, не принимает власть мужчин. В астрологии она отвечает за «черную Луну» с акцентом на меланхолический и депрессивный характер. В современном движении гурфти Лилит считается супругой и женщиной-партнером черта.

Для христианской цивилизации, пожалуй, решающее значение имеет тот факт, что Лютер при переводе Библии не везде придерживается древнееврейского оригинала (Brandwein-Stürmer, 2000, p. 33–34), который отчетливо указывает на то, что речь идет о втором сотворении женщины: «На этот раз, – говорит Адам, согласно древнееврейскому тексту, – нога от моей ноги». Таким образом, он дает понять, что при сотворении Евы речь идет о второй попытке. В Библии Лютера это звучит так (Бт. 2: 23): «И сказал человек: „Это все же нога от моей ноги и мясо от моего мяса, назовем ее женщиной, потому что произведена она от мужчины“». Первая попытка – Лилит – почти не упоминается в Библии, хотя у Моисея (Бт. 1: 27) написано: «И Бог создал человека по своему подобию, по своему подобию создал Он его и создал ее – мужчину и женщину». Лилит упоминается только однажды – как призрак или домовой – у Исаяи (Ис. 34: 14): «Она находит покой в тех Богом забытых странах, в которых живут дикие кошки и гиены».

Когда Адам посетовал на побег Лилит и не захотел оставаться один, Бог сожалел и создал для него теперь уже из ребра Адама Еву. Она является символом не равноправия, а подчинения. Так и господствовала бы в раю вечная патриархальная идиллия с доминированием сильного пола и подчинением слабого, если бы змея (которая также символизирует Лилит) не соблазнила Еву, тем самым спровоцировав неповиновение и конфликт.

Лилит – это вечный, ослепительный, очаровывающий образ, подходящий для того, чтобы символизировать важные составляющие Бессознательного женщины, которые передают, прежде всего, аспекты силы, сексуальности и враждебного отношения к детям и которые всегда находятся под запретом в обществах, где царит патриархат.

Отрицанием Лилит из нашего восприятия стирается та составляющая женщины, которая не принимает детей и относится к ним враждебно. Вряд ли хоть одна мать отважится сегодня признать, что она психически утомлена претензиями своих детей, социально перегружена функцией материнства, и посмеет открыто обозначить границы своего материнства. Эта боязнь правды является существенной составляющей психосоциальной слабости и лживости материнства с трагическими последствиями для детей. С помощью «комплекса Лилит» я попытаюсь раскрыть эту проблематику.

2. Содержание комплекса Лилит

Уже несколько тысячелетий женский образ разделен на образ Евы и образ Лилит, причем образ Евы (Марии) патриархат канонизирует, а образ Лилит связывает с демоном и накладывает на него запрет. Так, Ева олицетворяет собой женскую покорность, сексуальную пассивность, моногамию, самоотверженное материнство. Она ассоциируется с кухней, церковью и детской комнатой. В Лилит, напротив, воплощена равноценность и равноправие женщины, ее сексуальная активность и способность к наслаждению, она символизирует отказ от материнства.

В Еве и Лилит мы узнаем две стороны женской сущности, которые чаще всего разделены и враждебно противостоят друг другу, они персонифицируют два противоположных женских типа – святой и проститутки.

Ева – это покорная, целомудренная, верная, подчиняющаяся мужчине женщина, женщина-мать. Лилит же – чувственная, обольстительная, страстная, самостоятельная. Мужчины обычно хотят видеть в женщине оба этих аспекта, но одновременно боятся их. Они заглушают скуку и безрадостность существования в браке с «Евой» времяпрепровождением с проститутками и любовницами. А в попытке победить страх перед женской силой, страстью и независимостью пытаются бороться с аспектами Лилит в каждой женщине и морально подавляют их.

К комплексу Лилит я причисляю три женских аспекта, которые, как правило, подавляются, отвергаются, отделяются, игнорируются, преследуются или находятся под запретом:

1) *равноценная женщина*, которая не подчиняется и не привязывается к мужчине, а является равной, имея одинаковое с ним происхождение и равные права;

2) *сексуально активная женщина* с собственной способностью к удовольствию и силой соблазнения; она не ждет, чтобы ее выбирали или «брали», она активно выступает за свои сексуальные потребности, заботится о своем удовольствии и может быть активной в любовной игре;

3) *враждебная по отношению к детям женщина*, отказывающаяся от материнства, чтобы быть независимой и свободной от обязательств.

Результатом комплекса Лилит является нежелание признавать право женщин на силу, удовольствие и свободу. От них ожидается покорность, целомудрие и забота. Этот комплекс прочно закрепился в культуре и начинает проявляться в отношениях ребенка с матерью в раннем детстве и невольно передается ребенку, если враждебный по отношению к детям аспект эмоционально не перерабатывается и не контролируется сознанием. Живой и имеющий потребности младенец неизбежно провоцирует неуверенность матери, и если эту проблему не решать, то виновником ее станет требовательный ребенок. Мы должны исходить из того, что не осознаваемые и не принимаемые во внимание слабости материнства (раздражение и неуверенность) бессознательно и необдуманно передаются ребенку, который, не понимая, что причиной проблемы является мать, в итоге чувствует себя надоедливым и обременительным. Слабые стороны материнства трансформируются в нарциссическую травму ребенка, если он начинает думать, что виновен в состоянии матери. Психосоциальные последствия комплекса Лилит являются губительными. Его общие симптомы у мужчин и у женщин выражаются в различных проблемах идентичности со всеми вытекающими отсюда страхами и неуверенностью в партнерских отношениях.

Так, из юноши снова получается Адам, который для того чтобы быть сильным и могущественным, терпит только подчиняющуюся Еву, а девушка становится Евой, которая отрывается от самооценности только для того, чтобы ее терпели в отношениях. Став родителями, «Адам» и «Ева» препятствуют проявлению эмоциональной экспансивности и радостной актив-

ности своих детей и видят в них лишь объект для воспитания. Ребенок должен быть приучен к порядку, дисциплине и, прежде всего, к контролю над своими эмоциями и повиновению. Таким образом подавляется и сексуальное удовольствие, чтобы позже в сексе женщина была лишь только пассивной страдальницей, а мужчина превратился в бесчувственного пользователя.

Тоска по матери приводит к поиску ее замены в партнерских отношениях, но результат никогда не сможет быть удовлетворительным. В силу обстоятельств, в частности господства патриархата, женщина занимает позицию подчиняющейся и зависимой и, мучая мужчину своими нереализованными ранними стремлениями и желаниями и терроризируя его своими разочарованиями и ненавистью, в конце концов разрушает отношения. Подавляя в себе Лилит, она становится недовольной, придирчивой и полной упреков. Мужчина же в комплексе Лилит остается нечестным и неуверенным в своей мужественности. Посредством денег, силы и претензии на авторитет он пытается скрыть свою проблему идентичности. Он важничает и старается создать такие отношения с мужчинами и женщинами, в которых он мог бы доминировать и контролировать. Нежность и основанное на доверии увлечение он считает для себя опасными, поэтому избегает их. В основе его отношения к женщинам часто лежит сексуальный интерес, в результате чего тоска по равноправной партнерше сходит на нет вследствие ее исключительно сексуального использования. Другая сторона этой скрытой проблемы выражается в импотенции. Не возбуждаясь, своим вялым пенисом мужчина «наказывает» женщину за то, что та живет как Ева.

Как правило, он и она пытаются соревноваться друг с другом в обретении давно потерянного счастья. Каждый раз на стадии влюбленности им кажется, что новый партнер может и хочет осуществить все их стремления, и это длится до тех пор, пока оба не исчерпают себя в борьбе за внимание, признание и возможность быть принятым. Тогда их возникшая еще в раннем детстве и сохранившаяся в настоящем ярость от разочарования, которую они, собственно говоря, хотели бы направить против прежних, то есть внутренних родителей, выплескивается друг на друга, тем самым до основания разрушая любую нежную близость и понимающее единение.

Страдания от ежедневных маленьких войн и вечно повторяющихся разочарований и обид, которые сопровождают брак, нужны для обоснования конфликта и для того, чтобы неосознаваемую и невысказанную горечь раннего детства не нужно было снова воспринимать как угрозу для жизни. Нестерпимая боль детства трансформируется в затяжную болезненную драму настоящего.

Ни один мужчина не может стать мужчиной с «Евой». И ни у одной женщины нет шанса стать женщиной с «Адамом». «Адам» и «Ева» создают из своего комплекса Лилит несносную совместную жизнь, отравляют ее возрастающим разочарованием друг в друге и таким образом усиливают вполне предотвратимое страдание своих детей. В результате этого «Адам» становится воином, а «Ева» ведьмой.

Сын может отделиться от матери и завоевать женщину как равную партнершу для жизни и секса только в том случае, если его тоска по матери утолена или он научился снова и снова оплакивать свой дефицит матери. Дочь только тогда больше не захочет видеть в своем партнере защищающую и оберегающую замену матери, когда сможет оплакать свой дефицит матери, разглядеть свою бессознательную идентификацию с ней и в результате болезненного перерезания пуповины научится ее преодолевать. К сожалению, реальность детства нельзя исправить, и испытываемый в то время дефицит не может быть восполнен постфактум, что так старается внушить и «продать» гедонистическая культура. Только боль «заземляет» несчастье и беду, к тому же не навсегда, а лишь в моменты, когда она прорывается, разбуженная воспоминаниями, вызванными внешними или внутренними причинами.

Комплекс Лилит – это также одна из движущих сил женского движения за эмансипацию. В первую очередь, это движение против несправедливого доминирования мужчин, которые

ради своего положения могут опираться на истину в высшей инстанции – Библию. Но, как мы видим, это толкование неверно, потому что оно как раз скрывает существование Лилит и незрелость Адама.

В такой важной борьбе за женские права мужчину порой представляют противником, хотя он также страдает от дефицита матери. Женская сексуальность в ее мастурбирующем и лесбийском варианте охотно идеализируется, а проблемы материнства часто остаются в тени.

В борьбе женщин за право на профессиональную деятельность и равноценную социальную карьеру материнство охотно отрицается и обесценивается, детские ясли с преждевременным расставанием ребенка с матерью считаются не только возможными, но и необходимыми. Таким образом, дефицит матери, который во многом объясняет комплекс Лилит, неизбежно передается следующему поколению.

Враждебность по отношению к детям является важнейшей частью этого комплекса, который, на мой взгляд, разрушает культуру и является основным источником насилия и войн. Срабатывает архетип ужасной всепожирающей матери, которая похищает и убивает новорожденных, пьет их кровь и высасывает мозг из их костей. Поэтому и в наши дни, например ортодоксальным еврейским роженицам надевают амулеты. В мифологии многих народов есть похищающие детей и пьющие у них кровь существа, которые также предстают в образе оболстительных женщин, указывая тем самым на универсальный архетипический мотив.

Пациенты с трудностями в идентичности, нарушениями самооценки и состояниями страха, то есть с симптомами ранней структурной патологии личности, в рамках глубинно-психологического анализа сообщают об очень страшном опыте отвержения своими матерями. Зачастую они пережили раннее отделение от матери и были жертвами нарциссического злоупотребления своих матерей. Возникают душераздирающие, мучительно-болезненные воспоминания, в которых мама была «требующей» и «высасывающей все соки», а пациент, будучи ребенком, находился в распоряжении матери для удовлетворения ее потребностей. Эти воспоминания часто вызывают ярость и отвращение.

Враждебность матери по отношению к детям сама по себе не является угрожающей и обременяющей проблемой, это скорее вытеснение проблемы и отрицание комплекса Лилит. Миф о Лилит показывает нам всего лишь нормальную и неизбежную сторону женственности: оправданное неприятие материнства, потому что материнство существенно ограничивает свободу, профессиональную и социальную равноценность, а также достаточно часто на некоторое время – сексуальный интерес и способность получать удовольствие. Большинство женщин отвергают эти факты преувеличенным чувством материнства или участием в эмансипации с ее идеологической борьбой за права женщин, в которой мало место для детей.

Согласно огромному терапевтическому опыту, мы должны исходить из того, что ребенок чувствует отношение матери задолго до того, как может его осмыслить и изложить с помощью человеческого языка. В результате современных исследований грудных детей стало известно, что между матерью и ребенком с самого начала осуществляется взаимная коммуникация, младенец является не только пассивным получателем хорошей или плохой материнской заботы, но и сам активно участвует в отношениях. Для этого он имеет множество рефлексов и врожденных коммуникативных способностей, которые помогают устанавливать контакт и регулировать отношения (подробно об этом см.: Dornes, 1993, 1997). Таким образом, каждая мать неизбежно вспоминает свой собственный детский опыт, и ребенок общается с «внутренним ребенком» своей матери. Д. Штерн (Stern, 1995) говорит о специфической «конъюнктуре материнства», в которую каждая женщина попадает после рождения своего ребенка, куда бессознательно поступает опыт взаимодействия с собственной матерью, опыт дочери и сознательное понимание происходящего ставшей матерью женщины с осознанным и желаемым отношением к своему ребенку. Эта важная способность матери к эмпатическому чувствованию своего ребенка в основном определяется опытом собственного раннего получения материнской заботы.

То, как родная мать понимала и реагировала, как она принимала и ограничивала, как она проживала свою любовь и передавала свои затруднения, безусловно, накладывает стойкий отпечаток на собственное материнство. Состояние матери, ее страхи и сомнения, неуверенность и амбивалентность, ее отказы и разочарования, а также ее любовь и понимающая эмпатия передаются, прежде всего, на физическом уровне, причем качество взглядов и прикосновений, манера держать и носить ребенка, а также мимика, жесты и голос оказывают основное воздействие. Не зря «блеску в глазах матери», ее по большей части положительному отношению к существованию ребенка и доброжелательному признанию детских потребностей приписывается создающее самооценку действие.

На многих сеансах терапии мне приходилось быть свидетелем отчаянной растерянности людей и их глубочайшей паники, когда они осознавали, что никогда не видели нежных взглядов своей матери, а бывало, что и вовсе никогда не встречались с ней глазами. Бессознательное отношение матери к своему ребенку, в том числе ее непереработанный и неосознаваемый ранний опыт, воздействует на ребенка ощутимо сильнее, чем ее сознательное, желаемое, а также приобретенное посредством изучения литературы и консультаций чувство материнства. Так, активный и естественный в поведении и реагировании ребенок подвергается угрозе материнского отвержения, поскольку ставит под сомнение компенсацию ее собственного раннего травматического опыта. Молодая мать, отрицающая у себя наличие элемента комплекса Лилит, отвергает и боится ребенка в силу того, что ее независимость и сексуальность долгое время будут ущемлены, передает ребенку свое неприятие вследствие нечестности, завышенных требований или раздражения и своей собственной нарциссической травмой снова порождает «раннее нарушение».

Фрейд пришлось придумать эдипов комплекс, чтобы сексуализировать широко распространенную фиксацию сына на матери и чтобы ранняя психосоциальная трагедия смогла получить, к сожалению, неправильное объяснение, основанное на теории инстинкта. То, что ортодоксальный психоанализ Фрейда злоупотребляет мифом об Эдипе и преобразовывает чудовищную вину родителей, которые хотели убить своего ребенка, в мнимую психологию сексуального развития, привело к тому, что психотерапия стала способствовать отрицанию комплекса Лилит.

Мой опыт психотерапевта убеждает меня, что развитие эдиповых невротических конфликтов связано с защитой от угрожающих аспектов психики, вызванных ранним отвержением и обесцениванием. Все терапии, которые долго и интенсивно занимаются выявлением бесконечных человеческих осложнений и находящихся на первом плане невротических кризисов и обид, создают риск «культивации» последствий бед раннего детства, чтобы скрыть принципиальную причину неуверенности в жизни. Я согласен, во многих случаях паника раннего возраста так и не может быть обнаружена, так как психотерапевтической сессии или удерживающей силы психотерапевта и социальной среды недостаточно для того, чтобы осознать и эмоционально проработать невообразимые ужасы раннего этапа развития. Во всяком случае кушетка, как правило, не место, где с доброжелательным терапевтом могут быть обнаружены и проработаны убийственная ярость, глубочайшая ненависть, острая боль, гнетущее отвращение. Ранние аффекты и стремления являются настолько сильными, что необходимо создавать другие условия для терапии, что мы и пытаемся реализовать в аналитической телесной терапии с группой «материнского тела» в постоянном защищенном месте. Клинический опыт, который мы можем получить на этой сессии, указывает на то, что дети с ранним дефицитом матери, то есть с нарциссической травмой, все еще пытаются получить любовь матери всеми возможными способами, так как недостаток любви угрожает их выживанию.

У мальчика сексуализация отношений часто является попыткой «обладать» матерью, у девочки же – хоть что-то получить от отца в качестве компенсации. Пробуждающийся интерес к гениталиям, увеличивающаяся осведомленность о половой жизни родителей вместе с фан-

тазиями дают надежду найти в сексуальности тайну любви и возможность ее высвобождения. Мы не можем согласиться, что так называемая «эдипальность» является нормальной фазой психологического развития, в которой сын страстно жаждет мать и хочет избавиться от отца. В любом случае в основе таких желаний лежат «ранние нарушения». Тогда в эдиповом комплексе должен компенсироваться дефицит матери в раннем возрасте, что, конечно же, недосягаемо, но гарантируется сильная фиксация на матери и замещающие конфликты, которые, правда, могут давать некоторое душевное равновесие. Миф об Эдипе описывает последствия родительской вины: если они не хотят принимать своего ребенка, отец и сын втягиваются в смертельный, провоцируемый отцом конфликт – символ воинственной власти между мужчинами, а мать и сын вступают в непозволительный брак – что может знать только мать – символ несчастливых и разрушительных партнерских отношений. И то и другое является следствием ненависти и трудностей идентичности, вытекающих из трагедии раннего детства (см. также: Maaz, 1998).

А вот комплекс Лилит символизирует, прежде всего, мужскую и женскую незрелость, которая является следствием ранней неудовлетворенной потребности в матери. «Адам» и «Ева» передают свою родительскую незрелость детям, поскольку в большей степени ожидают от них удовлетворения своих собственных потребностей, не умея воспринимать и по возможности удовлетворять желания своих детей. Комплекс Лилит делает женщин лживыми матерями, которые разыгрывают перед детьми больше любви, чем могут дать на самом деле. Так и не познав в свое время, что такое безусловная материнская любовь, за свои напряженные старания они бессознательно хотят быть вознаграждены хотя бы своими детьми, любовь которых они эксплуатируют, что ведет к «отравлению материнством».

Мужчины в комплексе Лилит остаются привязанными к матери, инфантильными юношами и впоследствии становятся фрустрированными, избегающими своих детей отцами, потому что с ревностью и обидой реагируют на отношение своих жен к детям, даже если чувство материнства воспринимается ими только как неудовлетворительное и натянутое. Таким образом, мужчины оказываются несостоятельными в функции отца и становятся дополнительной обузой для своих и без того уже чрезмерно нагруженных жен.

Женщина, отрицающая Лилит и живущая как Ева, своим бессознательным отречением и своей урезанной однобокой женственностью обязательно причинит вред своему ребенку. Это объясняет высокую частотность нарциссических личностных расстройств у многих людей, так что мы имеем основание для объяснения растущей опасности нарциссической патологии общества, которая набирает обороты. Того общества, которое вынуждено создавать все больше вторичных нарциссических источников удовлетворения и таким образом способствует деструктивному характеру мании индивидуального и массово-психологического уровня.

Мужчина, который отрицает Лилит и живет как Адам, неизбежно видит в своем ребенке соперника за благосклонность матери. Поэтому он будет запугивать ребенка и злоупотреблять им. Его ярость от разочарования направляется в адрес партнерши, он бежит к проституткам, в алкоголь, работу или борьбу за власть.

Женщина, которая интегрировала в себя Лилит, желала бы для себя мужчину-партнера, который, будучи другим, но равным ей, дополнил бы ее. Которому она не могла бы и не хотела бы подчиняться, борьба за соперничество с которым не изнурила бы ее. Она становится матерью, осознавая связанные с этим ограничения и добровольное стеснение, что позволяет ей открыто принимать ребенка, чувствовать боль от неизбежного дефицита и учиться эту боль выражать. Такая женщина отважится признать, прежде всего перед ребенком, что она может испытывать по отношению к своим детям также отвержение, страх и ненависть, но это – в первую очередь ее проблема, и что она относится с пониманием к тому, что ребенок реагирует на это возмущением и беспокойством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.